

Ната Сучкова

Страна

Ната Сучкова

Страна

Москва

«Воймега»

2020

УДК 821.161.1-1 Сучкова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С91

Н. Сучкова

С91 Страна / Ната Сучкова. – М.: Воймега, 2020. – 44 с.

ISBN 978-5-6043511-3-0

*Книга издана при финансовой и технической поддержке
Министерства культуры России и Союза российских писателей.*

ISBN 978-5-6043511-3-0

© Н. Сучкова, текст; 2020
© «Воймега»; 2020

* * *

Рыжий в коляске — с одной диатезной щекой,
белоголовый — с румянцем на обе щёки,
небо такое, что можно достать рукой,
низкое небо, как потолок в хрущёвке.

Что-то такое, чего не возьмёшь с собой.
Рваные облака, из щелей вылезает вата,
улица узкая — просто толкнуть рукой,
тесная улица, как прихожая с самокатом.

В старых обоях, изученных до запятой,
в краске зелёной, в пожухлой траве облезлой,
и никого из них не забрать с собой —
вон они сгрудились, потные, у подъезда.

Эта чугунная ванна была страной,
точно броня, тяжела, и её тащили
папа и дядя Коля. Стоят спиной.
Невероятно сильные и большие.

* * *

Был пруд, и в том пруду — полно амфибий.
— О, греки амфибрахий и пиррихий! —
Загон, в котором я пасу гусей,
стрижи, что разгромили партитуру,
клянусь тобой, моя литература,
мне никаких не надо новостей!

Вот облако зависло мягкой глыбой,
есть фото: баба Маня чистит рыбу —
пузатых задремавших карасей.

Есть фото, на котором живы все.

Они как будто дымом или фоном,
слегка не в фокусе или совсем за домом,
уехали на рынок, за грибами,
ушли на озеро или стоят за баней,
и всё же — где-то рядом с бабой Маней,
за ситцевой худой её спиной.

Оглянется — они стоят стеной.

И крутится щенок, как заводной,
и радуется, и немного трусит,
и котики, схороненные Люсей,
и котики, схороненные мной...
И крутит колесо своё фортуна,
и латы карасей лежат, латунны.

Мне больше даже нечего просить!
За этот вдох или за этот выдох.
— О, греки амфобрахий и пиррихий! —
За то, что я могу их воскресить.

* * *

Притормози слегка, раскручивая глобус:
Вот — море, вот — река, полей кривой отрез,
Старухи едут в рай, набились в автобус,
Водитель ждёт старух, кондуктор ждёт чудес.

Прекрасно и легко всё в этой мизансцене —
Их лица не видны, но пёстро от платков,
И выцвела давно вторая часть «Райцентра».
Старухи едут в рай — не очень далеко.

И он спешит туда — в засаленной спецовке,
С нехитрым барахлом на собственном горбу,
Оставь его стоять на этой остановке,
Он постоит, ему не скучно одному.

Он постоит ещё, его надолго хватит,
Пусть держится на нём вот этот край небес,
Пришли за ним потом воздушный самокатик
Или заставь идти на лыжах через лес.

* * *

Отворотка на Волок –
верхний мир здесь прозрачен и тонок:
в стадо божьих коровок
затесался обычный телёнок.

Мошкары мелкой – морок,
дед Макар лушит лес на лучины,
в стаде божьих коровок
потерялся земной и мычит там.

Что до божьих предгорий?
Делов-то! Не дальше, чем птицам!
Бросить старый топорик,
свою завести колесницу.

Что до верхних пределов?
Не любитель он этих локаций.
Только что тут поделать?
Придётся туда подниматься.

Есть ли повод для грусти?
Его мы, наверно, пропустим.
Над зелёною Русью
он на синем летит «Беларусе»!

На железной трёхтонке
парит между солнцем и пылью
среди божьих коровок,
что тут же его облепили.

* * *

Вот облако сорвалось высоко –
в кипящем мареве, в бурлящей синеве –
с бумажною табличкой «Молоко»,
приклеенной на лобовом стекле.

И всё светлей, всё чище неба свод,
и белое по воздуху разлито.
Кто облако так бешено ведёт?
Кто грузового облака водитель?

И от земли идут на перехват,
толкаются – им неба не хватает! –
две стаи необстрелянных телят
с поджатыми от ужаса хвостами.

* * *

Говорил старик — ледяная глыба, в рукавах искрилась, текла река:
— Я своей воды не отдам ни рыбы, завалящего окунька!

Говорил старик — грозовая туча, тополя сгибающая, как якоря:
— Я своей воды не увидел лучше, я по многим ходил морям.

Говорил старик и от кашля трясся: — Не дойти и по воду, ё-моё!
И сдувал чайники с воды, как ряску, и подолгу смотрел в неё.

На колени прыгал к нему котейка, бабка щёлкала телепрограммами,
И светилась в окнах у них уклейка — между рамами плавала.

А когда шёл дождь — утекай, не жалко! — в облака густые над липами
Загонял русалок скрипучей палкой, потому что мерзко хихикали.

* * *

Первый муж – Василий и второй – Василий,
Первый нелюбимый, а второй – ох, сильно!
Васька – окаянный, Вася – золотой,
Не донежил первый, помер и второй.
– Ноги-то не ходят, ты уж отнеси
Свечку на медовый Васе-Иваси.
Сунула бумажку и конфет дешёвых:
– Да не перепутай, это – за второго!
Царствия небесного Васе попроси!
Ходят почтальонши по святой Руси.
– Да не перепутай! – Ну уж, чай, не дура!
В первый раз как будто! Что ты, баба Шура!
– Тут тебе не почта, аккуратно надо,
Ну как перепутаешь, Люся, адресата!
И всю ночь бродила – чаю напилася:
«Ох, Васюта-милый! Ах, скотина-Вася!»

* * *

«Русь» стоит, вокруг – забор,
у ворот – корыто.
А у Пушкина айфон –
новенький, да битый.

Где забор сошёл на ноль,
всё равно – крапива.
А у Пушкина пароль
на джимейл – агіна.

За крапивою – вокзал,
тройки с бубенцами,
проезжал когда-то царь
мимо на сапсане.

А теперь закрыт вокзал,
лужи – по колено,
но у Пушкина ниссан –
старенький, да целый.

– Пушкин-Пушкин, как ваш Питер?
– В пистолет заряжен!
– Лучше и не говорите!
– Лучше и не скажешь.

* * *

Напекла как-то бабка пирогов с котятками —
то ли тронулась, то ли просто даяя...

В общем, как-то вот так — напекла.

И собаке своей дала.

А собака — не дура: живём-то в Рязани,
не такой повидали жратвы глазами,
не совсем в Рязани, но, в общем, близко,
километров семьсот или триста.

Что котята ей? Ерунда!

Повозилась часик, ну, полтора:

у того припёк — поперёк,

у того голова — едва.

Пропеклись не очень, но всё еда,

одного сгоревшего прибрала,

остальных раздала — вообще не беда,

супом луковым, крынкой кефирной сыта.

Все пристроены, в добрых мурчат руках,

сдобой пахнущие, выращенные в пирогах,

о, хвала Авито!

Бабка злющая в доме стучит клюкой,

а тебе, собака, в дом — ни ногой!

Вот сиди на крылечке и плакай —

ни одной теперь грязной лапой!

А собака села на поезд сапсан

и была такова — коль сама с усам!

И жила потом

с Угольком-котом

в бывшем городе Ленинграде

на канале Лиговском,
над мостом,
где-то между булочной и гнездом,
сбором мусора
Христа ради.

* * *

Говорят, в природе есть рыбаки –
что-то вроде норвежского бога,
говорят, есть исток у нашей реки –
мы не ходим дальше порога.

Да и ближе порога ходить не могли –
там одни караси-иноверцы,
что едали рыбники-пироги
и тому подобные зверства.

Не хватает нынче братской любви,
даже в море дела не лучше,
и молчим, и скрываемся, и таим,
как учил команданте Тюльче.

У кого в четверг соловей – на нож,
тот селись вдоль ручьёв и рек!
Как писал великий поэт наш и вождь
Афанасий Карпович Хек.

* * *

Николай идёт драчливый:

- Сам откуда? – С Вытегры!
- Что, карман зашит строчными?
- Прописными выпорот!

- Мы вам, что ли, лыком шиты?
- Ну а мы – подавно!
- Саньку бóрзого держите!
- Жрите, коль надавано!

- Слово за слово, братишки!
 - Ну-ка, Александер!
- И посмотрим, кто – по книжкам,
ну а кто – десантник!

Тары-бары, растабары,
Евы да Адамы,
сушат ватники бакланы,
бантики мадамы!

Нас учили, мы учили,
песенки-потешки.

- Добрый Филя, что ворчливый?
- А, робяты, нёшто!

* * *

В инстаграме Пушкина – зимняя дорога,
Маша-недотрога, синие глаза.
Лайкает Жуковский, пара-тройка ботов,
Бенкендорф не лайкает Пушкина, нельзя.

В инстаграме Пушкина дворики одесские,
дюжина шампанского, устрицы во льду,
пистолет на бархате, папильотки женские,
валенки извозчиков – обновы, найду.

Дальше – лет за сто листай – автор нас не радует:
мутное и зябкое, строки от руки,
воробьи и ангелы, облака и радуги
и вопрос от Дельвига: «Пушкин, где стихи?»

* * *

Над покровом колыбельным ночь воркует: ко-ко-ко.
Снится: бабушка Жизели разливает молоко.
Снится: дядька – тоже драма, говорит: «Едреный кот!» –
подставляя Мандельштама под скосившийся комод.
Снится розовое блюдце с молоком – броди потише! –
два прозаика дерутся, а поэт, зараза, пишет!
Снится: в гору – еле-еле, а потом – легко-легко,
вот у бабушки Жизели убежало молоко.
Молоко нельзя балетным. Ничего нельзя балетным.
– Ты, наверно, не приедешь? – Я, наверно, не приеду.
Дядька чиркнул небо спичкой, пахнет молоком над домом,
молоком чернильным, птичьим. Молоком из облакова.
– Чем кончается параграф, я, наверное... – Да спи же!
Посчитай ещё баранов, вон поэт, он всё допишет...

* * *

К открытым дверям музучилища
привязан шуршащий пакет,
заходят поэты в чистилище,
проходят второй турникет.

А там всех — сопрано, и теноров,
и тех, кто всегда только басом, —
под рученьки тонкие белые
разводят по сумрачным классам.

И в них — за дверями и ширмами,
где вдоволь еды и вина,
они целый день музицируют,
и только в одном — тишина.

И там (их хормейстер простужена,
и спился давно пианист)
молчат ко всему равнодушные
любители пения птиц.

* * *

Птицы-синицы проворней куница,
умной куницы глупей голубица,
вот потому – только перья от птицы,
корка картонная с надписью «Пицца».
Нет, никому я, признаться, не верю,
выйдешь за дверь, только темень за дверью,
мокрое место от пойманной птицы
и от второй – только перья.
Шарик стеклянный, ларёк оловянный,
я – буратино твоя, деревянный,
сонно по синему снегу прошкрябаю,
дверь затворю – никому не открою.
Русь – рукавица, голица дырявая,
выглянешь в дырку – дымок над рекою.

* * *

За аншлагом *тонкий лёд* над моей рекой
человек идёт, идёт, лёгонький такой.
У него куртёшка – швах, курья голова,
он идёт себе впотьмах, видимый едва.
Он потом наверняка – выдержал ли лёд? –
у прибрежного ларька за угол свернёт.
А метель метёт себе, лепит в фонари,
где пропащий имярек только что парил.

Вологодский романс

Речного вокзала не вспыхнут огни,
не выйдет матросик, качаясь.
Ах, где эти дни? Ах, уплыли они.
Ах, были да сплыли, отчалили.

Мы эти стихи — наизусть, назубок,
огня в темноте не нашарив,
и дернётся вниз ресторан «Поплавок»,
и рыба попалась большая.

Ах, где эти дни? Всё укроет зима —
руины, колодцы, провалы....
И только пытит пароходной труба
у «Северного коммунара».

* * *

Этой плошке молока кошка мелковата.
Вот — окно, в окне — река,
заливные берега,
вот фабричная труба
производит облака
из воды и ваты.

Приезжали москвичи,
понимали юмор,
тут отбиты кирпичи,
тут «Оксана — дура»,
вот и облако горчит —
лучше сразу плюнуть!

Вот фабричная труба с фильтром,
вот — без фильтра,
можно облако курить,
можно — вилкой тыкнуть,
можно сёмгой закусить,
но придётся килькой.

И толпится мал-мала,
у реки зависнув:
тут — светло, тут — полумгла,
это клёвая игра,
жалко — мало смысла!
Но не трожь колокола:
облака прокиснут!

* * *

Весёлый пёс с лохматыми ушами,
пёс — очень добрый, а хозяин — злой.
Пёс точно грузило, ну а хозяин — шарик
над белой неустойчивой землёй.
Снег голубой идёт, валит навалом,
рабочий день принёс чуток деньжат,
уговори курильщика над паром,
варёною картошкой подышать.
Уговорить вообще любого можно,
и посреди заплаканных равнин
он выдыхает воздух осторожно,
как будто никогда и не курил.
Вот он парит над городом и миром —
воздушный шарик, высший пилотаж! —
вот он спускается в молчащую квартиру,
на поднебесный свой восьмой этаж.
Весёлый пёс с лохматыми ушами
убегался и спит без задних ног,
и бабушка, пока ещё живая,
из печки выдвигает чугунок.

* * *

Здесь всё проходит, как идёт, от года — к веку,
Бредёт Володя — костыли скрипят по снегу.
На мягких лапах в новый год не без усилий
Ступает в след Володе кот — хромой Василий.
На шапке снег, и всё в снегу, плывёт двуглавый
Андрея храм: се человек мой первозванный!
Вдали, ворочая едва язык пудовый,
Звенит во все колокола седой Никола.
И всё сверкает и парит — стоит дорога.
— Что, с Новым годом, рыбаки? — Да, есть немного.

* * *

Там, где снег зарос осокою — что ещё в снегу растёт? —
Смотрит с берега высокого на крещенский тонкий лёд.

Смотрит с берега замёрзлого, как по Вологде-воде
Рыбаки, а не апостолы рассекают в темноте.

— Эй, Андрейка, дуй-ка к нам, нам воды налей-ка!
Проморгались — вырос храм, где стоял Андрейка.

Ну, кино, тащи попкорн! Белостенный, глыба!
Потянулись на поклон — во Андрейка выдал!

Встали, выстроились в ряд, каждый давит лыбу,
Ничего не говорят — рыба моя, рыба!

* * *

Снег мельтешит колючий, мелкий,
берёзы, да и те – в унынье,
как будто бы кривую елку
на площади им нарядили.

Они давно бы убежали,
когда могли бы убежать,
они здесь лес изображали,
что им ещё изображать?

Они – рябины и осины,
бумага, черенки, приклады,
как будто бы во всей России
других деревьев и не надо.

Скрепляй фанерные основы!
Втыкай в трухлявый пень стиха!
Ну разве только гроб – сосновый.
Да ёлочка – из ПВХ.

* * *

Бумага стерпит, но не терпит
рука, которой я пишу.
Я и подую, и потру,
и вытру о траву.

О мокрую траву и о газету.
И оттираю скомканные буквы,
и Люсин умывальник дребезжит.

И мальчик к маме маленький бежит,
но не оглянется она и не замедлит,
поэт споткнётся, а прозаик не заметит,
поэт качнётся, а прозаик устоит.

Прости за то, что думаю о смерти,
прости за этот жалкий, бледный вид,
гром громыхнёт, потом завоет ветер,
бумага терпит, но тихонечко скулит.

* * *

Как за станцией Ебенья, Ебенья
всё леса, леса да поля.
Во полях — овсы, в овсах — мыши,
вдалеке — непокрытые крыши.

Как по станции Ебенья, Ебенья
проползает медленно жизнь моя
тепловозом смердящим усталым
с длинным, гулко гремящим составом.

У меня кореша тут, семья, родня,
брат — дежурный по станции Ебенья,
кирзачи, судоку и сети
продают в привокзальном буфете.

Как окончится служба, дружок, твоя,
приезжай на станцию Ебенья,
мы пойдём с тобой через лес-кусты
собирать жаворонков в овсы.

Наберём жаворонков с открытым ртом,
ты поставишь их в телефон на рингтон —
от корзины совсем не убудет,
пусть они тебя песней будят!

Скоро кончится лето у нас в Ебеньях,
не успеешь ахнуть: зима на днях,
пожелтели овсы, жизнь видна едва —
начинает будить сова.

* * *

Тьмутаракань и тьма, мир ватой облеплен,
Ворона прокричит — поставишь на рингтон.
Ну где же ты, зима? Пришли хотя бы селфи!
Возьми мои слова, согрей их под пальто.

Кто в лес, кто по дрова, упрямо гнутся ветви.
Бери айфон, пошли домой — тут тучи над рекой!
Ну где же ты, зима? Никто нам не ответил,
Возьми мои слова — поставь их на повтор.

Пуста волшебная страна, голодный воет ветер,
Идём домой, идём домой, скорей-скорей идём!
Ну, здравствуй, зимушка-зима! Тут никого на свете —
Сфотографируйся со мной под этим фонарём.

* * *

За жуков и улиток снищу ли когда-то прощенья?
Половина каникул уходит на списки для чтения.
Воздух сладок от пыли, а вкус у всех книг одинаков,
В нашей «звёздочке» были: Мересьев, Печорин, Иаков.
Пионеры-апостолы, парочка супергероев,
Мир открыт на вопросе – ещё полчаса до отбоя.
А теперь не до песен – молчу, летний берег топчу я,
Улетает Мересьев, в карету садится Печорин,
От любви и смущенья другому придётся заплакать,
И в далёкой пещере лежит под закладкой Иаков.

* * *

Мальчику снится красивая летняя улица,
батя – живой, а вот бабка, выходит, покойница,
и разлетаются бабочки из-под гусениц,
русские бабочки – не о чем беспокоиться.

Грохот стихает, и на деревьях качаются
птицы и гаубицы, и конец войне,
только война в этом сне никогда не кончается:
лёгкие танки на облаке, пыль на броне.

Бабка-покойница выйдет. На вмятинах гусениц
(если я сплю, говорит, то хотел бы проснуться)
он собирает крапивниц и оставляет капустниц,
чтобы по осени снова за ними вернуться.

* * *

В синем небе очень высоко
облака на полочке лежат,
муравьи воруют молоко,
первоклассники целуют медвежат.
Сапоги на два размера велики,
пролежали лето – так и не надел,
выцветают разноцветные мелки,
превращаются в обычный школьный мел.
Первоклассники... Седеет голова.
Барабанщик, знаменосец и горнист.
Выцветают и деревья, а слова
возвращаются в тетрадный белый лист.
Барабанщик, знаменосец... Что ж, увы...
Поезд тронется, и жизнь опять пойдёт,
лишь высоковольтные стволы
мелко-мелко крестят горизонт.

* * *

За железными засовами что ни век – идёт война,
Ненаглядные пособия, монохромная страна,
Сколько в парту ни засовывай – только мел и шелуха,
Всё серьезней, всё басовее пели строчки Маршака.

Всё грубее, заскорюзлее – веселее пой, дурдом! –
Поднималась наша музыка над учительским столом.
И обменивались взглядами и пускали пузыри
Чудо-рыбы ненаглядные, второгоднички мои.

А потом внести просили нас аккуратно-аккуратно
На наколки светло-синие в наши контурные карты
Красным, жёлтым и оранжевым, чёрным, серым и зелёным
Прошрое и настоящее, страны, города и сёла.

* * *

Мимо барыг из небесных пределов,
прямо, налево и снова налево,
сборная ангелов передела
кедики на коньки.

Рюмин Володька и толстый Никита,
снег мельтешит так, что шайбы не видно,
ладно бы шайбы – ноги!

Ветер такой, что закрутит, расплющит,
а у тебя – ни защиты, ни клюшки...
Рюмин Володька, щекастый Андрюшка
лупят по шайбе в ночи.

Мальчик мой, ангел мой желторотый,
кто же поставил тебя на ворота,
кто же вручил ключи?

Рюмин, Папаха, Санёк полоротый
сгинут, рассыплются по подворотням.
Мальчик без шапки в растянутой кофте –
здесь, на земле, он – твой ад.

Так и стоит в беззащитных воротах.
Из темноты хрипло выдохнет: «Кто там?»
Тихо поправит: «У врат».

Притормози тут приятелей резвых:
так, мол, и так, погодите, не лезьте,

стукнет противно о лезвие лезвие,
снег закружится опять.

Прямо, налево и снова налево,
ну хоть разочек под снегом побегать,
часик ещё погонять.

* * *

Весна — девчонка-недотрога,
коленки в цыпках. Видит око,
но солнце выглянет — ура!
Оно задержится немного
на простыне с единорогом,
висящей посреди двора.

Весна, согласные. Где окать?
Она тебе выходит боком,
и это — говор, не акцент.
Остановись, замри, продрогни —
колени, поцелуи, локти —
под синей надписью «Техцентр».

Когда бы — из какого сора,
болиголова, лавра, флора,
ковра узбекского узора —
те ноги длинные растут...
Ты никогда бы не уехал
или вернулся и остался:
ДК «Речник», гитара, танцы,
общаги утренний уют.

Всю ночь ворочался, тревога,
всё время что-то там мешает,
диван продавленный, пружины,
дурацкий рог единорога,
весна, девчонка-недотрога,
бог из машины.

* * *

Плыли по лужам троллейбусы – я ещё помню такое,
и молока – хоть залейся им! – просто молочное море!
И на рогатых трёхпалубных – пей, адмирал, навигация! –
плыли мы в центр из Бывалово, в лето, в сирень и акацию.
Было? Вы город узнали? Милый – пальтишко на вырост.
Что же случилось вдруг с нами? А ничего не случилось!
Воздух на солнце прожарен, пух тополиный мелькает:
– Где же твои вологжане?
– За гаражами под облаками на молоке с мотыльками.

* * *

Что дальше Вологды, ребята?
Архангельск, Котлас, Воркута.
В какой карман захочет спрятать
тебя красавица-страна?

Что дальше Вологды, касатики?
Так Воркута же есть, браток?
Из мандельштамовского ватника,
из пастернаковских сапог

вытряхивай свою убогую
и понимай, что вырос ты
из фрака, из шинели Гоголя,
из Петербурга, из Москвы.

* * *

Аве городу и миру!
В туче мух и ос
старенький узбек к тандыру
лепит Красный мост.
Лепит пса на пешеходный –
пес уж спит, подлец! –
из картона – теплоходы,
из соломы – лес.
Спи, мой маленький проныра,
лепит на века!
Вкус лепёшечки тандырной,
запах табака.
Лето-лето, сивка-бурка!
И пронзает луч
тьму деревьев, пыль окурков,
блеск тяжёлых туч.

* * *

Наверху земного шара, в самой чаще хвойника,
Вера и овчарка Шао с парой расконвойников.

Здесь, в лесу, и то – измена, внутренний не дремлет враг,
Ни во что не верит Вера, только – в преданных собак.

Инородцы, страсотерпцы, поселенцы вечные,
Но её большое сердце, точно блюдце, в трещинах.

– Мы с собакой околели! Вечность с вами возимся!
Флору снега – по колено, Лавру – выше пояса.

– Руки-ноги целы вроде? Шевелись, архаровцы!
Жизнь на свете происходит дальше, чем за Харовском.

И они бредут устало, те и эти – наши:
Вера и овчарка Шао с парой доходяжек.

Лес в подпалинах пожара, и кровит под лапами.
Наверху земного шара голубая маковка.

* * *

На пыльном заборе вдоль пыльной дороги
болтаются баннеров тряпки:
застыли детишки в немом хороводе –
веснушки, кудряшки, панамки.

Их светлые лики забрызганы грязью,
им чахлые сосны внимают,
проедет раз в сутки чихающий пазик,
собака проскачет хромая.

Под этим забором устроились двое:
он курит, а дама – икала.
Плывут облака, да такого покроя,
какого не сыщешь лекала!

Плывут не спеша, как гружёные лодки,
садятся на мель в тополя,
затем чтоб на этой глухой отворотке
родная порвалась земля.

Её залатают: тут – косо, здесь – криво,
гудроном зальют, а пока
сидят эти двое – Лопух и Крапива –
и смотрят в дыру облака.

Как будто им дети мороженку дали
и скоро исполнится всё,
как будто бы пазик их в светлые дали
из этой дыры унесёт.

* * *

Вот моя страна – флисовая кофта,
серые дома – розовый и жёлтый,
из окна – слова, песенка, и, в общем,
грустная она, а другой не хочешь.

Вот реки волна – флисовая складка,
горькая трава, а на сгибе – сладко,
за рекой – дома, за домами снова –
сторона-страна, ничего такого.

Содержание

«Рыжий в коляске — с одной диатезной щекой...»	3
«Был пруд, и в том пруду — полно амфибий...»	4
«Притормози слегка, раскручивая глобус...»	6
«Отворотка на Волок...»	7
«Вот облако сорвалось высоко...»	8
«Говорил старик — ледяная глыба...»	9
«Первый муж — Василий и второй — Василий...»	10
«“Русь” стоит, вокруг — забор...»	11
«Напекла как-то бабка пирогов с котятками...»	12
«Говорят, в природе есть рыбаки...»	14
«Николай идёт драчливый...»	15
«В инстаграме Пушкина — зимняя дорога...»	16
«Над покровом колыбельным...»	17
«К открытым дверям музучилища...»	18
«Птицы-синицы проворней куница...»	19
«За аншлагом тонкий лёд над моей рекой...»	20
Вологодский романс	21
«Этой плошке молока кошка мелковата...»	22
«Весёлый пёс с лохматыми ушами...»	23
«Здесь всё проходит, как идёт...»	24
«Там, где снег зарос осокою...»	25
«Снег мельтешит колючий, мелкий...»	26
«Бумага стерпит, но не терпит...»	27
«Как за станцией Ебень, Ебень...»	28
«Тьмутаракань и тьма, мир ватю облеплен...»	29
«За жуков и улиток снищу ли когда-то прощенья?..»	30
«Мальчику снится красивая летняя улица...»	31
«В синем небе очень высоко...»	32
«За железными засовами что ни век — идёт война...»	33
«Мимо барыг из небесных пределов...»	34
«Весна — девчонка-недотрога...»	36
«Плыли по лужам троллейбусы...»	37
«Что дальше Вологды, ребята?..»	38
«Аве городу и миру!..»	39
«Наверху земного шара, в самой чаще хвойника...»	40
«На пыльном заборе вдоль пыльной дороги...»	41
«Вот моя страна — флисовая кофта...»	42

Ната Сучкова. Страна

возрастная категория 18+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 18.11.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 2,75.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6043511-3-0

9 785604 351130

Ната Сучкова родилась в Вологде в 1976 году. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького (2006). Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Дружба народов», альманахах «Алконостъ», «Вавилон», в антологии «Нестоличная литература» и других. Автор книг стихов «Лирический герой» (2010), «Деревенская проза» (2011), «Ход вещей» (2014). Стипендиат фонда А. Тепфера (2000), лауреат Малой премии «Московский счет» (2011) и других.

ISBN 978-5-6043511-3-0

9 785604 351130